

ТОРИЯ ОДНОГО ГЕРО

РУСЛАН РУСЛАНОВИЧ

18+

Руслан Русланович

История одного героя

https://litres.ru/74792022
SelfPub; 2026

Аннотация

Он мог бы просто чинить машины в старом отцовском гараже. Но Роман Кузнецов выбрал другой путь. От ледяных полов российской учебки до выжженных улиц Сербии, где каждый шаг может стать последним, — он прошел войну, которая не закончилась с подписанием мира. "История одного героя" — это не хроника сражений. Это роман о том, как вернуться с войны живым, но не потерять себя в мирной жизни. Как остаться человеком, когда вокруг предают, и как найти в себе силы не просто выживать, а строить — свой дом, свою семью, свою "Кузницу". Взрывной, честный и пронзительный роман о русском солдате, который понял: самая тяжелая битва всегда ждет тебя дома.

Руслан Русланович
История одного героя

История одного героя

Дисклеймер

Эта книга — художественное произведение. Все персонажи, события и организации, описанные в ней, являются вымышленными или использованы в художественных целях. Любые совпадения с реальными людьми, живыми или умершими, событиями или организациями могут быть случайными.

История Романа Кузнецова — собирательный образ. Она вдохновлена реальными событиями, но не является документальной хроникой. Автор не ставит целью оскорбить или унизить кого-либо, а также не выражает поддержку какой-либо политической силе, религиозной группе или военному конфликту. Все описанные боевые действия и политические процессы — художественный вымысел, а не призыв к действию или оценка реальных событий.

Книга посвящена теме взросления, ответственности и поиска своего пути. Автор с уважением относится ко всем людям, независимо от их национальности, вероисповедания и политических взглядов.

Глава 1 – Последний звонок

Июнь в Воронеже выдался душным. Асфальт плавился к полудню, тополя гнали пух, и весь город казался пропитанным запахом горячего железа, бензина и пыли. Роман Кузнецов стоял у открытого окна своей комнаты в квартире на окраине, курил в форточку и смотрел, как сосед дядя Витя ковыряется под капотом своей старой «семёрки». Дядя Витя матерился складно, но беззлобно — привычка, выработанная годами. Роман усмехнулся: сам он в такие моменты не матерился, просто делал. Молча.

Сегодня был последний день в училище. Не последний звонок — это для школьников, у них линейки, бантики, слёзы. У них, у автомехаников, всё проще: получил диплом — и свободен. Три года в ПТУ № 56 за спиной, ещё три месяца назад он сдал квалификационные экзамены, а сегодня — официальная часть: построение, вручение, речь директора, фотографии у стенда с надписью «Выпуск 2025». Роман не любил такие мероприятия. Не то чтобы стеснялся — просто считал пустой тратой времени. Но мать сказала: «Сходи. Надо. Это твой день». И он пошёл.

Дома пахло жареной картошкой и кофе. Мать, Наталья Сергеевна, суетилась на кухне, то и дело поправляя скатерть. Отец, Сергей Петрович, сидел в зале перед телевизором, но не смотрел — просто фон. Когда Роман вышел из комнаты

в выглаженной рубашке (мать настояла, хотя он терпеть не мог эти «выпендрёжные шмотки»), отец поднял голову:

— Готов?

— Готов, — Роман пожал плечами. — Что там готовиться-то? Диплом получил — и всё.

— Это для тебя «всё». А для матери — праздник. Не порти.

— Да я не порчу.

Отец хмыкнул и вернулся к телевизору.

Училище располагалось в старом здании с облупленным фасадом и мастерскими во дворе. Здесь Роман провёл три года: сначала на слесарном деле, потом на автомеханике. Первый год он ненавидел всё: рано вставать, точить напильником железки, слушать нудного препода по материаловедению. Второй год — привык. Третий — понял, что это его. Руки сами находили нужный инструмент, глаз видел, где зазор, где люфт, где подвох. К выпуску он знал двигатель «классики» наизусть, мог разобрать и собрать коробку передач с закрытыми глазами, а карбюратор настраивал на слух. Мастера в училище говорили: «Кузнецов, из тебя толк будет». Роман не спорил.

На построение он пришёл за десять минут до начала. Во дворе уже толпились выпускники — кто в костюмах, кто в джинсах, кто с родителями. Пахло дешёвым одеколоном и волнением. Роман кивнул знакомым, встал в стороне, закурил. К нему подошёл Димка Сорокин — друг с первого кур-

са, худой, вечно взъерошенный, с хитринкой в глазах.

— Ну что, Кузнец, дожили? — Димка хлопнул его по плечу. — Свобода!

— Свобода, — согласился Роман. — Только за эту свободу ещё в армию сходить надо.

— А, да ладно, — Димка махнул рукой. — Год — не срок. Зато потом — всё, мужик. Работа, деньги, девки.

— Ага. Только сначала повестка.

Димка поморщился:

— Ты как старик, ей-богу. Всё у тебя «сначала». Может, ещё отмажешься? У тебя же диплом, специальность. Может, в техникум или на завод?

— Не хочу отмазываться, — сказал Роман твёрдо. — Отслужу — вернусь. Может, даже в ремонтную часть попаду, с моим-то дипломом.

— Ну-ну, — Димка неодобрительно покачал головой. — Смотри, как бы тебя там не сломали.

Роман ничего не ответил. Он думал о том же. Слышал от старших, что в армии всякое бывает. Но почему-то не боялся. Может, потому что уже понял: если хочешь выжить — не прогибайся, но и не лезь на рожон. Держись середины.

Построение прошло быстро. Директор, полноватый мужчина в мятом пиджаке, сказал речь про «путёвку в жизнь», про «ответственность» и «трудолюбие». Роман слушал вполуха. Потом началось вручение. Фамилии называли по алфавиту. Когда назвали Кузнецова, он вышел, получил синюю

корочку с гербом, пожал директору руку. Тот посмотрел на него внимательно и сказал тихо: «Не пропадай, Роман. Из тебя выйдет толк». Роман кивнул.

После официальной части — общее фото у стенда. Потом все разбрелись кто куда: кто-то пошёл в кафе, кто-то домой. Роман, Димка и ещё двое — Костян и Лёха — решили отметить по-своему: купили пива, чипсов и пошли в гараж к Костяну. Гараж был старый, дедовский, но Костян его обжил: диван, стол, магнитофон. Пахло маслом и бензином. Для Романа этот запах был родным.

Сели, открыли бутылки. Костян, здоровый парень с короткой стрижкой и бычьей шеей, поднял тост:

— Ну, за нас. За то, чтобы не пропасть. За то, чтобы бабки водились и чтобы мы не сдохли в этой дыре.

Выпили. Роман сделал глоток, поморщился — пиво было тёплое, но шло. Лёха, щуплый, с вечной ухмылкой, спросил:

— Кузнец, а ты когда в армию-то?

— В июле. Повестка на третье.

— О, блин. А я в сентябре. Ещё лето погуляю.

— А я вообще, может, в институт поступлю, — сказал Димка. — У меня тётка в приёмной комиссии, договоримся.

— Ты? В институт? — Костян заржал. — Димон, ты же два слова связать не можешь.

— Пошёл ты, — беззлобно огрызнулся Димка.

Роман слушал их болтовню и чувствовал странное раздвоение. С одной стороны — вот они, друзья, знакомые лица,

привычные шутки. С другой — он уже понимал, что это не его путь. Костян всегда был скользким: то телефон чужой «нашёл», то деньги из кассы ларька «одолжил». Роман не участвовал, но и не мешал. Молчал. А теперь думал: а что если и его затянет? Ведь легко. Ведь деньги. Ведь хочется. Но что-то внутри говорило: нет. Не твоё.

— А ты чего такой задумчивый? — Костян толкнул его локтем. — Очкуешь перед армией?

— Не очкую, — Роман поставил бутылку. — Просто думаю.

— О чём?

— О том, что после армии делать буду.

— А что тут думать? — Костян развалился на диване. — Пойдёшь в автосервис. Будешь чинить тачки. Или, — он подмигнул, — к нам. У нас дело верное.

Роман посмотрел на него. Прямо, без улыбки.

— Какое дело?

— Ну, ты понял. Не в ларьках же мелочиться. Есть варианты поинтереснее.

— Я в это не играю, — сказал Роман тихо, но твёрдо. — И тебе не советую.

Костян прищурился:

— Это ты сейчас мне сказал?

— Тебе.

Повисла пауза. Димка занервничал, Лёха уставился в пол. Костян медленно отставил бутылку:

— Ты это… Кузнец. Ты не борзей. Мы же друзья.

— Друзья, — согласился Роман. — Поэтому и говорю. Один раз ты уже с телефоном попался. Второй раз — с деньгами. Думаешь, тебе и дальше будет везти?

Костян хотел что-то сказать, но промолчал. Только сжал челюсти. Димка поспешил разрядить обстановку:

— Ладно, мужики, хватит. Давайте за выпуск.

Выпили ещё. Атмосфера вроде разрядилась, но осадок остался. Роман допил пиво и встал:

— Я пойду. Мать просила дома быть к ужину.

— Ты чего, обиделся? — Костян тоже поднялся.

— Нет. Просто дела.

Он вышел из гаража, закурил. Солнце уже клонилось к закату, пух всё ещё летел, и небо было цвета старого кирпича. Роман пошёл домой пешком — идти было минут двадцать. Дорога шла мимо рынка, мимо автошколы, мимо двора, где пацаны гоняли мяч. Он смотрел на них и думал: а ведь и я когда-то был таким. Беззаботным. А сейчас — диплом в кармане, повестка на столе, и целая жизнь впереди. Непонятная.

Дома мать накрыла стол: картошка, селёдка, солёные огурцы, бутылка «Советского». Отец достал рюмки.

— Ну что, выпускник, — сказал он, разливая. — Поздравляю. Ты первый в нашей семье с дипломом.

— Да ладно, пап. ПТУ же.

— ПТУ не ПТУ, а специальность. Руки. Это главное. — Он поднял рюмку. — За тебя. И за то, чтобы ты не пропал.

Выпили. Мать всплакнула, обняла Романа:

— Сынок, ты только пиши. И звони. И не лезь никуда.

— Мам, я же в армию, а не на войну.

— Всё равно. Материнское сердце чувствует.

Роман не стал спорить. Он знал, что она права. Война была ближе, чем казалось. Но он не знал, что она начнётся не там, где он думал.

Вечером он вышел на балкон, закурил. Над Воронежем зажигались огни, где-то играла музыка, кто-то смеялся. Роман смотрел на город и думал: через месяц он уедет. А вернётся ли таким же — вопрос. Он докурил, бросил бычок в банку, пошёл спать.

Завтра начиналась взрослая жизнь. Пока ещё без формы, без оружия, без войны. Но уже с выбором.

Глава 2. Гараж 36

Июнь выдался на удивление жарким. Роман устроился в «Гараж 36» через две недели после выпускного — по знакомству: дядя Витя из соседнего подъезда когда-то работал с Шурупом, хозяином сервиса, и замолвил словечко. Шуруп — мужик лет пятидесяти, с прокуренными усами и руками, которые, казалось, никогда не отмывались от машинного масла, — оглядел Романа с головы до ног, хмыкнул и сказал:

— Диплом есть? Хорошо. Но диплом — это бумажка. Мне руки нужны. Покажи, что умеешь.

Он подвёл его к старенькому УАЗику, у которого барахлил двигатель. Роман заглянул под капот, потрогал провода, прислушался. Потом попросил ключ на двенадцать, открутил пару болтов, снял крышку трамблёра, посмотрел на контакты.

— Зажигание сбито, — сказал он. — И свечи давно менять надо. И проводка на массу коротит. Вон, изоляция оплавилась.

Шуруп смотрел на него внимательно. Потом кивнул:

— Беру. Испытательный срок — две недели. Плачу двенадцать сотен за смену. Оформлять не буду — сам понимаешь, налоги, проверки. Но если пойдёт — подумаем.

Роман согласился. Деньги были нужны: родители небогатые, а до армии хотелось и на пиво с друзьями, и на кроссовки новые, и матери с отцом помочь. Работа оказалась знакомой: замена колодок, диагностика, замена масла, мелкий ремонт ходовой. Руки помнили, глаз видел. К концу первой недели Шуруп уже доверял ему самостоятельные заказы — клиенты возвращались, говорили «спасибо», оставляли чаевые. Роман гордился. Впервые за долгое время он чувствовал, что делает что-то правильно.

Но вечерами всё шло наперекосяк.

Костян и Димка не отставали. Сначала просто звали пива попить, потом — «покататься», потом — «помочь по мелочи». Роман сначала отказывался, потом соглашался. Не пить — просто быть рядом. Он не участвовал, но и не уходил.

Молчал. А молчание, как известно, — знак согласия.

Первый раз случился в конце июня. Шли втроём по ночному Воронежу — от гаражей к дому Костяна. У ларька на углу стоял подвыпивший мужик, пытался набрать код на домофоне. Костян остановился:

— Слышь, братан, телефон не подскажешь?

Мужик обернулся, пьяно улыбнулся:

— А? Телефон? Сейчас…

Он полез в карман, достал старенький «Самсунг». Костян взял его, повертел в руках, потом вдруг сунул в карман и сказал:

— Спасибо, братан. С тебя причитается.

Мужик не сразу понял. Потом начал возмущаться:

— Э! Ты чего? Отдай!

Костян уже шёл дальше, не оборачиваясь. Димка засеменил рядом. Роман стоял на месте.

— Костян, — сказал он тихо. — Отдай телефон.

Тот обернулся, посмотрел на него как на дурака:

— Ты чего, Кузнец? Это же лёгкие деньги. Ему всё равно родители новый купят. Или этот, — он кивнул на мужика, который уже бежал за ними, спотыкаясь, — сам виноват. Не бухай.

— Отдай, — повторил Роман.

Костян подошёл к нему вплотную:

— Слышь. Ты либо с нами, либо против. Определись.

Роман молчал. Мужик догнал их, схватил Костяна за ру-

кав. Тот резко развернулся, толкнул его в грудь. Мужик упал, ударился локтем об асфальт, застонал. Костян бросил телефон ему на землю:

— На, подавись. Пошли, пацаны.

Они ушли. Роман шёл следом, чувствуя, как что-то внутри сжимается в комок. Он не участвовал. Но и не остановил. А мог. Мог ведь.

Второй раз был хуже. Ночью, в начале июля, Костян предложил «заглянуть» в киоск, который работал круглосуточно. Продавщица — женщина лет пятидесяти, уставшая, с добрым лицом — как раз пересчитывала выручку. Костян зашёл первым, сказал: «Тёть, сигарет дай». Когда она отвернулась, он схватил с прилавка пачку денег — не всю, а сколько успел, — и выскочил. Димка побежал за ним. Роман остался на улице, у двери. Продавщица закричала, выбежала, попыталась схватить его за куртку. Он отшатнулся и побежал.

Они встретились в гараже через десять минут. Костян считал деньги — около семи тысяч. Димка нервно курил. Роман сидел на диване и смотрел в стену.

— Ну что, Кузнец? — Костян подмигнул. — Тебе доля. Как соучастнику.

— Я не соучастник, — сказал Роман. — Я не брал.

— А стоял на стрёме. Это то же самое. Расслабься. Никто не узнает.

Роман взял деньги. Не потому что хотел — потому что не знал, как отказаться. Семь тысяч. За один вечер. Это было

больше, чем он зарабатывал за неделю в гараже. И это было страшно. Потому что легко. Потому что хотелось ещё. Потому что он уже не мог сказать «нет».

Он говорил себе: это последний раз. Но через неделю снова был с ними. На этот раз — в парке, где какой-то парень оставил рюкзак на скамейке. Костян просто взял его и пошёл. В рюкзаке были ноутбук, наушники и кошелёк с тремя тысячами. Роман не взял ничего. Просто смотрел. Просто шёл рядом.

А потом случилось то, что заставило его остановиться. У киоска на соседней улице, где они снова «работали», замигала полицейская мигалка. Костян и Димка рванули в разные стороны. Роман побежал через дворы, перемахнул через забор, присел за мусорными баками. Сердце колотилось, в ушах шумело. Он просидел там минут двадцать, пока не стихло. Потом пошёл домой.

Дома он долго не мог уснуть. Лежал, смотрел в потолок, слушал, как тикают часы на кухне. Вспоминал лицо продавщицы, лицо мужика с телефоном, лицо парня в парке. Они были разными, но во всех было одно и то же — страх и обида. И Роман понимал: он — часть этого. Не просто свидетель. Соучастник. Как сказал Костян.

Утром он встал разбитый. Пошёл в гараж, взял ключ на двенадцать, залез под очередной УАЗ. Работа не шла: руки делали, а голова думала о другом. Шуруп заметил:

— Ты чего, Кузнецов? Как варёный.

— Не выспался.

— Ну-ну. Смотри, не халтурь. У меня клиенты не любят, когда халтурят.

Роман кивнул. Он думал о том, что через месяц — армия. Через месяц он уедет. И, может быть, это спасение. Может быть, там, в казарме, он сможет начать заново. Забыть про Костяна, про Димку, про эти ночи. Стать кем-то другим. Или собой.

Вечером он вышел на балкон, закурил. Внизу, во дворе, Костян махал ему рукой:

— Кузнец! Спускайся! Есть тема!

Роман посмотрел на него сверху. Потом докурил, бросил бычок в банку и сказал:

— Не сегодня, Костян. Не сегодня.

Он закрыл балконную дверь и пошёл в комнату. Завтра нужно было идти в военкомат — уточнить дату. И он вдруг понял, что ждёт этого дня. Потому что армия — это не наказание. Это выход. Единственный, который у него остался.

Глава 3. Курс молодого бойца

Третьего июля Роман стоял у военкомата с сумкой в руках. Утро выдалось пасмурным, но душным — ни ветерка, ни облачка, только серое марево над крышами и запах нагретого асфальта. Мать плакала тихо, промокая глаза платком, отец молчал, держал за плечо — крепко, по-мужски,

так, что Роман чувствовал тепло его ладони сквозь тонкую ткань футболки. Костян и Димка не пришли — Роман им не сказал. Не хотел. Не потому что злился, а потому что чувствовал: если они придут, если начнут шутить, хлопать по плечу, звать «Кузнец, не ссы, прорвёмся», — он может передумать. А передумывать было нельзя. Он сам выбрал этот путь. Или путь выбрал его.

Военкомат был старым зданием с облупленным фасадом, выщербленными ступенями и запахом казённой бумаги, который, казалось, въелся в стены за десятилетия. Внутри — толпа парней, таких же, как он: кто-то с родителями, кто-то один, кто-то уже пьяный с утра, с красными глазами и дурацкой ухмылкой. Роман прошёл медкомиссию — разделся до трусов, кашлял, дышал, тянул руки, смотрел на свет. Врачи были усталые, равнодушные, как автоматы. Потом сдал документы в окошко, получил повестку с отметкой, и его направили в кабинет к офицеру — пожилому майору с усталыми глазами и прокуренными усами.

Майор долго листал его дело, потом поднял глаза:

— Кузнецов Роман Сергеевич. Диплом автомеханика. Хорошо. Служить хочешь?

— Так точно.

— Молодец. Не то что некоторые — «хочу в стройбат, хочу в Москву, хочу поближе к дому». Тебе не всё равно, я вижу. Будешь в ремонтном взводе. Там такие руки нужны. — Он подписал бумаги размашистым почерком. — Следую-

щая остановка — сборный пункт. Там распределят. И это… — он вдруг посмотрел на Романа внимательно, без казённой усталости, — не лезь на рожон. Понял? Тебе не на войну, тебе служить. А служить — это не только стрелять. Это головой думать. Понял?

— Понял, товарищ майор.

— Свободен.

Вечером Романа и ещё десяток новобранцев погрузили в автобус. Мать перекрестила, отец сунул в карман маленькую иконку — потемневшую, с облупленным краем — и сказал: «Не забывай, кто ты». Роман кивнул, не доверяя голосу. Автобус тронулся. За окном поплыли улицы Воронежа, знакомые с детства: рынок, автошкола, двор, где пацаны гоняли мяч. Он смотрел на них и думал: увижу ли ещё? И что я буду за человек, когда вернусь?

Сборный пункт — это чистилище. Большое здание с длинными коридорами, запахом хлорки и потом, с очередями в столовую, где кормили серой кашей и чаем с плавающими чаинками, с медкомиссией, где тебя осматривают, как лошадь на ярмарке. Роман прошёл всё: стрижка налысо — машинка жужжала над ухом, и пряди волос падали на пол, лёгкие, как пух; выдача формы — она сидела как мешок, рукава длинные, штаны широкие; переобувание в кирзовые сапоги, которые натирали с первого шага. К вечеру он смотрел на себя в зеркало и не узнавал: чужой парень с бледным лицом, жёсткой щетиной на голове и глазами, в которых было

что-то новое — не страх, не злость, а собранность.

Ночью их погрузили в вагоны. Поезд шёл на север — в Тверскую область, в учебную часть. Роман лежал на верхней полке, смотрел в потолок и слушал, как стучат колёса. Рядом храпел толстый парень из Липецка — его звали Пашка, и он всю дорогу рассказывал, как мечтал попасть в танковые войска, потому что «танк — это сила». Внизу двое играли в карты на сигареты, кто-то читал книгу, кто-то просто смотрел в окно на проплывающие поля и перелески. Роман не спал. Думал о матери, об отце, о Костяне и Димке. О том, что теперь всё будет по-другому. Или не будет.

Учебная часть встретила их холодом и криком. Сержант, здоровый мужик с бычьей шеей и злыми глазами, построил новобранцев во дворе в пять утра и сказал:

— Значит так, орлы. Я — сержант Губа. Для вас — «товарищ сержант». Здесь вам не гражданка. Здесь всё по уставу. Кто не понял — я объясню. Кто не хочет понимать — я научу. Вопросы?

Строй молчал. Сержант Губа прошёлся вдоль строя, заглядывая каждому в лицо. Остановился перед Романом:

— Ты. Фамилия?

— Кузнецов.

— Кузнецов. — Он прищурился. — Диплом есть?

— Так точно. Автомеханик.

— Хорошо. — Губа не улыбнулся, но что-то в его лице изменилось. — Будешь в ремонтном взводе. Но сначала —

курс молодого бойца. Как все. Понял?

— Понял.

— Тогда знакомимся. Пять минут на умывание и построение. Кто опоздает — будет бегать в противогазе. Вперёд!

Первые дни были адом. Подъём в шесть, зарядка на плацу — бег, отжимания, подтягивания, — потом строевая до мозолей, изучение устава до тошноты, чистка оружия, наряды. Роман не привыкал — он выживал. Руки, привыкшие к гаечному ключу, теперь держали автомат. Глаза, привыкшие к чертежам двигателей, теперь смотрели на плакаты с устройством АК-74. Мозг, привыкший к логике, теперь заучивал команды и команды команды.

С ним в палатке жили ещё семеро. Пашка из Липецка — толстый, добродушный, вечно голодный, с вечным запасом сухарей в тумбочке. Славик из Тамбова — худой, нервный, с быстрыми глазами, который всего боялся, но старался не показывать. Колька из Рязани — молчаливый, с руками, как лопаты, и взглядом исподлобья. И ещё трое — Витёк, Санек и Малой. Они были разными, но всех их объединяло одно: страх и надежда. Страх — что не справятся. Надежда — что всё-таки справятся.

Роман справлялся. Не лучше всех, но и не хуже. Сержант Губа его не выделял — ни в плохую, ни в хорошую сторону. Просто смотрел, как он делает, и молчал. А Роман делал. Чистил оружие, заправлял кровать, бегал, стрелял. И ждал.

На стрельбище их повели на второй неделе. Ранним

утром, когда туман ещё лежал в низинах, а трава была мокрой от росы. Роман шёл в строю, чувствуя, как холодный воздух забирается под куртку, и думал о том, что сейчас возьмёт в руки настоящий автомат. Не игрушку, не плакат, не разборку-сборку на столе в классе. Настоящий. Тяжёлый. Смертельный.

Стрельбище было простым: бетонный пол, деревянные щиты с мишенями, окопы для стрельбы лёжа и с колена. Сержант Губа выстроил взвод, раздал автоматы — тяжёлые, холодные, с запахом оружейной смазки. Роман взял свой, и руки сами легли на цевьё и рукоятку. Он знал устройство наизусть — разбирал и собирал на время, — но держать боевое оружие было другим. Оно было тяжёлым. Оно было настоящим. Оно было для убийства.

— Кузнецов! — рявкнул Губа. — Ты чего замер? На позицию!

Роман лёг на бетон, прижал приклад к плечу, поймал в прицел мишень. Дыхание сбилось. Он попытался выровнять его, но сердце стучало где-то в горле. Палец лежал на спусковом крючке, и он чувствовал, как металл холоден и гладок.

— Готов? — спросил Губа.

— Готов.

— Огонь!

Роман нажал на спуск. Очередь ушла в молоко — пули легли выше и левее мишени, взбив фонтанчики пыли на валу. Губа хмыкнул:

— Кузнецов, ты чего? Руки трясутся?

— Никак нет.

— Тогда соберись. Автомат — это не гаечный ключ. Его чувствовать надо. Ты когда двигатель слушаешь — ты же не дёргаешься. Ты ждёшь. Вот и здесь так же. Выдохни. Поймай мушку. Плавно.

Роман закрыл глаза на секунду. Выдохнул. Открыл. Мушка встала ровно, мишень на месте. Он нажал на спуск — коротко, плавно. Очередь ушла в цель. Три из пяти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.